

А.А.Рожков
«ИНТЕРЕСЫ» И «ИДЕАЛЫ»:
ПЕРЕОПРЕДЕЛЯЯ
ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

Александр Алексеевич Рожков — аспирант кафедры философии политики и права МГУ им. М.В.Ломоносова. Для связи с автором: Rozhkov1922@mail.ru.

Аннотация. Несмотря на широкое использование термина «национальные интересы» в средствах массовой информации и академической науке, ученые и эксперты до сих пор не могут прийти к единому мнению о его содержании. Политические реалисты отождествляют национальные интересы со стремлением государств к мощи и безопасности, либералы — с волеизъявлением граждан, конструктивисты — с риторическим инструментом, легитимирующим внешнеполитические решения правительств. Многообразии подходов к определению национальных интересов, а также наличие значительного числа критериев приводит к размыванию данного понятия.

По оценке автора, корни сложившейся ситуации следует искать в противоречии между субъективной интерпретацией национальных интересов властвующей элитой и объективными потребностями населения соответствующих стран. Ключ к решению этой проблемы он видит во введении понятия идеала как связующего элемента между интересами элиты и населения, подчеркивая, что именно благодаря поддержке массами сформулированного элитами идеала мы можем говорить о национальных интересах как о некоей целостности.

Опираясь на психоаналитический анализ «я-идеала» и его влияния на массовое сознание, автор показывает, что обращение к понятию идеала не только снимает основное противоречие в определении национальных интересов в политическом реализме, но и открывает путь к эффективному продвижению таковых в долгосрочной перспективе. Корректно сформулированный идеал устраняет жесткое противостояние между интересами правящих элит и масс, создает условия для стабилизации ситуации внутри страны и позволяет власти проводить инновационную политику, не опасаясь соскальзывания в хаос и конфликт.

Ключевые слова: национальные интересы, политический реализм, идеал, международные отношения, природа человека, психоанализ

Вопрос о природе и роли национальных интересов является важной частью теории международных отношений. Но, несмотря на широкое использование данного термина в средствах массовой информации и академической науке, ученые и эксперты до сих пор не могут прийти к единому мнению о его содержании. Политические реалисты отождествляют национальные интересы со стремлением государств к мощи и безопасности, либералы — с волеизъявлением граждан в демократических обществах, конструктивисты — с риторическим инструментом, легитимирующим внешнеполитические решения правительств. Многообразие подходов к определению национальных интересов, а также наличие значительного числа критериев приводит к размыванию соответствующего понятия. Как отмечает Николай Косолапов, категория национальных интересов «не имеет научного содержания и... скорее всего... не получит его в обозримом будущем»¹.

¹ Косолапов
2016: 40.

В настоящей статье мы постараемся показать, что мешает сформулировать концепцию национальных интересов, и предложим путь к решению этой проблемы в рамках теории политического реализма. На наш взгляд, при всем многообразии факторов, затрудняющих определение национальных интересов, корни сложившейся ситуации следует искать в основном противоречии, присущем данному феномену, причем ключ к его преодолению содержится в самом политическом реализме, а именно в размышлениях представителей этого направления о роли идеала в государственном управлении.

**Основное
противоречие
в определении
национальных
интересов**

Национальные интересы выражаются в реализации потребностей населения страны в долгосрочной перспективе. Независимо от режима и строя, граждане каждой страны заинтересованы в своем суверенитете и всем том, что обеспечивает его поддержание. Ответственный государственный деятель должен ориентироваться на решение этой задачи при любых внутренних и внешних обстоятельствах. Проблема, однако, заключается в том, что представления об объективных потребностях населения и государства в целом во многом зависят от субъективной интерпретации государственных деятелей и господствующих политических групп. Какие бы критерии — экономические, геополитические, гражданские, культурные и пр. — ни использовались, мы так или иначе сталкиваемся с ситуацией, когда эти потребности определяются с позиций политической элиты. Именно это противоречие не позволяет говорить о национальных интересах как об «общем благе»: в государстве всегда присутствуют лица, навязывающие обществу свою волю.

Указание на это противоречие можно обнаружить уже в трудах классика политического реализма Ганса Моргентау, наряду с объективной стороной национальных интересов, выражающейся в «сохранении и защите физической, политической и культурной идентичности»², выделявшего и их субъективную составляющую, определяющуюся

² Morgenthau 1952:
972.

- ³ *Pobedau 2007: 24.* решениями различных индивидов и политических групп³. В свою очередь, Эдвард Карр проводил различие между интересами нации и государства, трактуя первую как «органическое», «естественное» объединение людей, а второе — как сугубо «искусственное» образование⁴. По замечанию Джозефа Франкеля, всякая формулировка национальных интересов состоит из крайностей, будучи пропитана, с одной стороны, эгоизмом, радикализмом и индивидуализмом правящей элиты, а с другой — альтруизмом, консерватизмом и коллективизмом населения⁵. Обобщая, можно констатировать, что дихотомия субъективного и объективного⁶, или «важная таксономия»⁷, или, для простоты, основное противоречие содержится в любом определении национальных интересов. Как мы покажем далее, эта проблема не была решена не только в классическом, но и в структурном и неоклассическом реализме.

Политический реализм не монолитен, и, несмотря на общее убеждение приверженцев этой парадигмы в определяющем влиянии на поведение государств анархической системы международных отношений, они по-разному интерпретируют национальные интересы. Несколько упрощая, применительно к этой проблематике в рамках политического реализма можно выделить два направления — объективистское и субъективистское. В то время как объективисты отрицают значение внутригосударственных факторов и рассуждают о национальных интересах как о некоей целостности, субъективисты уделяют существенное внимание внутренней политике и связывают определение национальных интересов с волей правящих групп.

В структурном реализме основное противоречие в определении национальных интересов решается путем введения понятия «безопасность»: стремление к выживанию в анархической системе международных отношений играет ключевую роль как для наций, так и для правительств. Структурные реалисты отказываются от анализа содержания национальных интересов: по их мнению, подобное знание ничего не дает нам для постижения анархической международной системы. Так, Кеннет Волц проводит различие между внешней политикой и международными отношениями. Исследования внешней политики всегда ставят во главу угла конкретные решения государственных деятелей, что подрывает аналитические возможности теории. Мы можем многое сказать о мотивах и целях индивидов и политических групп, но это лишь затруднит понимание устройства международной системы *per se*. По утверждению Волца, для адекватного изучения международных отношений достаточно предположить, что, несмотря на многообразие интересов во внутренней политике, в международных отношениях государства стремятся прежде всего обеспечить свою безопасность⁸. Сходного мнения придерживается приверженец «наступательного реализма» Джон Миршаймер: государства для него суть «черные ящики», ориентированные в первую очередь на поддержание собственной безопасности⁹. Другими словами, в решении проблемы

⁸ *Waltz 1979: 134.*

⁹ *Mearsheimer 2001: 6.*

национальных интересов структурные реалисты стоят скорее на объективистских позициях.

В отличие от структурных реалистов, сторонники неоклассического реализма не отрицают воздействия на внешнеполитические решения внутригосударственных факторов, подчеркивая, что при формулировании национальных интересов лидеры как демократических, так и недемократических стран не могут игнорировать требования политических групп и масс. Тем не менее они полагают, что национальные интересы — это та сфера, где правительство должно обладать определенной свободой рук, ибо оно располагает недоступной общественности и законодательным органам информацией о положении дел на международной арене и зачастую лучше знает, как защитить долгосрочные интересы государства¹⁰. В то же время некоторые неоклассические реалисты обращают внимание на то, что даже такое понятие, как безопасность, может не только по-разному интерпретироваться элитами и массами, но и использоваться для реализации узкокорыстных властных и экономических интересов. Как отмечает, в частности, Роберт Гилпин, когда правительство формулирует национальные интересы, оно думает скорее о собственной, чем о национальной безопасности¹¹. Более того, если международная система позволяет правительству пересмотреть свою трактовку безопасности и извлечь из этого экономическую выгоду, оно может определить национальные интересы таким образом, что это будет работать на подрыв национальной безопасности¹². В любом случае неоклассические реалисты отводят правительству решающую роль в формулировании национальных интересов, то есть придерживаются субъективистского подхода.

Между тем дихотомия субъективного и объективного в определении национальных интересов вполне разрешима, причем в рамках самой теории политического реализма. Основное противоречие можно преодолеть посредством введения понятия идеала как связующего элемента между интересами властвующей элиты и населения. Несмотря на отрицание роли ценностей во внешней политике, политические реалисты признают значение идеала при создании эффективной политической системы. Именно благодаря поддержке сформулированного правительством идеала мы можем говорить о национальных интересах как о некоей целостности. Но прежде чем переходить к обоснованию этого утверждения, мы хотели бы остановиться на психоаналитической интерпретации «я-идеала». Это отступление не означает отхода от темы настоящего исследования. Напротив, в духе классического политического реализма мы попытаемся показать, как обращение к конфликтной сущности человеческой природы позволяет отвечать на проблемы теории международных отношений.

¹⁰ Lobell, Ripsman, and Taliaferro (eds.) 2009: 180.

¹¹ Gilpin 1996: 7.

¹² Gilpin 1981: 19.

**Психоаналитический
подход к изучению
массовой
психологии**

Политический реализм представляет собой философское направление¹³, или, по выражению Роберта Шуетта, политическое мировоззрение (Weltanschauungen)¹⁴, в международных отношениях. И хотя большинство реалистов считают силу основополагающим фактором мировой политики, их теории испытали влияние мыслителей, оставивших иные точки зрения, — Аристотеля, Иммануила Канта, Карла Маркса, Ганса Кельзена, Макса Вебера и многих других. Политические реалисты часто ссылаются на работы своих оппонентов, а наиболее авторитетные из них признаются, что именно противники реализма оказали на них определяющее воздействие. Удивительно, что при такой широте взглядов и эрудиции реалисты обошли вниманием одного из наиболее значимых мыслителей XX в. — Зигмунда Фрейда.

¹³ *Gilpin 2001: 15.*¹⁴ *Schuetz 2010: 127.*

Философия политического реализма во многом перекликается с заключениями Фрейда. Основатель психоанализа скептически оценивал возможность бесконфликтного мира, подчеркивая, что на протяжении всей истории человечества ключевым политическим фактором была именно сила, а не право¹⁵. Однако главной темой, которая, на наш взгляд, роднит психоанализ и политический реализм, является интерес к природе человека. Работа Фрейда «Психология масс и анализ человеческого Я»¹⁶ подтверждает одну из аксиом реализма, согласно которой поведение государств и отдельных групп зависит от факторов, укорененных в природе человека.

¹⁵ *Фрейд 2008: 275.*¹⁶ *Фрейд 2019.*

Человек не изолированное существо, и, как показывает психоанализ, его психика ментально связана с образами родителей, братьев, сестер и любимых. Процесс, при котором дети начинают ассоциировать себя с кем-то из родителей, Фрейд назвал «идентификацией»¹⁷. Родитель становится для ребенка предметом подражания, образуя тем самым первую эмоциональную привязанность. По мере взросления ребенок утрачивает исходную идентификацию с родителем, но бессознательно продолжает воспроизводить усвоенные модели поведения.

¹⁷ *Фрейд 2008: 98.*

Вместе с тем человеческое «я» находится под воздействием «я-идеала», выражающегося в представлениях о добре и зле, совести и справедливости¹⁸. Источником этой структуры выступает родительский образ, а также естественное стремление организма избежать опасности или негативных эмоций. Если в ситуации психологической нормы «я-идеал» работает как инструмент самокритики, то в ситуации невроза он превращается в элемент подавления, мешающий человеку реализовывать свои желания и обостряющий внутреннюю фрустрацию. Стоит отметить, что чем жестче «я-идеал», тем острее и интенсивнее человек переживает фрустрацию.

¹⁸ *Там же: 102.*

Исследование психологических механизмов идентификации и «я-идеала» открывает дорогу к пониманию законов формирования групп. Согласно Фрейдю, устойчивость человеческих объединений становится возможна благодаря либидинозной структуре — системе, при которой члены сообщества испытывают глубокую эмоциональную привязанность друг к другу. Целостность группы определяется общим

¹⁹ Там же: 109. идеалом, помещенным на место «я-идеала»¹⁹. Воплощением этого идеала может стать вождь, полководец, религиозный лидер или идеология. Почитающая идеал группа не просто делает его объектом подражания, но переносит на него свое нарциссическое либидо, что в понимании Фрейда означает влюбленность или очарование. В то же время в рамках группы возникает взаимная самоидентификация, и члены сообщества начинают воспринимать себя в качестве коллег, сослуживцев, сограждан, товарищей, единомышленников и т.д.

Стремление каждого индивида к сохранению своего «я» способствует устойчивости группы. Иначе говоря, чем более нарциссично «я», тем легче ему ассоциировать себя с «я-идеалом», образом вождя или идеологией. Эта особенность формирования групп несет в себе потенциал конфликтности: поскольку «я-идеал» любого сообщества претендует на господствующую роль, он выступает в качестве угрозы для нарциссического образа представителей других сообществ.

Несмотря на то что благодаря наличию общих установок, а также эмоциональной привязанности друг к другу члены группы редко испытывают неврозы, строение их индивидуальной психики, бесспорно, влияет на общее поведение. Человеческая психика в значительной степени (хотя и не полностью) регулируется принципом удовольствия. В соответствии с психоаналитической теорией Фрейда, направление психических процессов задается стремлением к снижению возбуждения²⁰. Низкий уровень возбуждения — не только нормальное состояние психики, но и источник удовольствия. Нарастание возбуждения, напротив, сопряжено с ростом неудовольствия. Нацеленность психического аппарата на уменьшение возбуждения или, по меньшей мере, на поддержание его на постоянном уровне была определена Фрейдом как принцип константности²¹.

Принцип удовольствия является первичным, но не единственным триггером психических процессов. Более того, на начальных стадиях развития организма при столкновении с трудностями внешнего мира принцип удовольствия может оказаться непригодным и даже опасным. Потребность в самосохранении берет верх над стремлением к удовольствию, заменяя соответствующий принцип принципом реальности²². Именно эта структура формирует представление об опасности, выражающееся в страхе перед некими воображаемыми угрозами. Перспектива испытать крайнее неудовольствие оттесняется в бессознательное, откуда непосредственно влияет на поведение человека.

Стремление к самосохранению обуславливает заикленность психики на пережитых травмах. Человек пытается удержать испытанную им травму под контролем, не позволяя проблеме выйти на поверхность и тем самым нарушить сложившуюся конституцию психики. И хотя принцип удовольствия продолжает оказывать серьезное воздействие на развитие психических процессов, стремление к самосохранению сглаживает его, перенаправляя энергию либидо на поддержание невротического, нарциссического представления человека о самом себе.

²⁰ Фрейд 2006: 231.

²¹ Там же: 233.

²² Там же: 234.

²³ Там же: 269.

Согласно Фрейд, укорененные в психическом аппарате принцип удовольствия и принцип реальности являются частью двух более широких тенденций, присущих всем видам биологических существ: влечения к жизни и влечения к смерти²³. В то время как вторая тенденция имеет свои истоком стремление к самосохранению, переживанию «навязчивых состояний» и удержанию нарциссического представления о самом себе, первая находит воплощение в сексуальности, направленной исключительно на внешние объекты и предполагающей соединение с зародышевыми клетками и продолжение жизни.

Может показаться, что за сексуальностью скрывается потенциальное бессмертие, однако это не так. Влечение к жизни, полагает Фрейд, лишь удлиняет дорогу к смерти. Представители органического мира не жаждут никаких не изведанных ими ранее состояний. Напротив, жизнь есть скорее повторение одного и того же, и влечение к жизни в форме сексуальности предполагает не более чем отдаление возврата к неорганическому состоянию.

Указанные тенденции в значительной мере обуславливают и групповое поведение. С одной стороны, действия группы нацелены на сохранение себя как целостности, с другой — они направлены во внешний мир, где группа пытается утвердить свой идеал в качестве единственно возможного. Даже если две группы имеют схожие идеалы, стремление каждой из них к самосохранению, выражающееся в удержании нарциссического «я», провоцирует напряжение и конфронтацию между ними.

Конфликтная природа человека, полагает Фрейд, неизбежно приводит к столкновению групп и государств. В такой ситуации, с его точки зрения, существует лишь два способа положить конец войнам: создание централизованного мирового правительства и распространение культуры и цивилизации. Однако в первом случае избавление от войн означало бы безусловное господство одной силы, а во втором сопутствующая распространению культуры интеллектуализация обернулась бы оскудением сексуальности. Так или иначе, выводы Фрейда трудно назвать оптимистичными: и тот, и другой путь предотвращения войн требуют немало времени и вряд ли изменят ход вещей в обозримом будущем²⁴.

²⁴ Фрейд 2008: 286.

**Идеал
как ключевой
элемент
национальных
интересов**

Как уже говорилось, преодоление основного противоречия национальных интересов, а именно дихотомии субъективного и объективного, возможно через введение понятия идеала. Идеал — это «образец, норма, идеальный образ, определяющий способ и характер поведения человека или общественного класса»²⁵. Идеал — это родовое понятие, раскрывающее не только цель, но и средство реализации потребностей общества. Хотя идеал выдвигают конкретные индивиды, всеобщее значение он приобретает тогда, когда находит поддержку в массах. Другими словами, появление сколько-нибудь значимого идеала невозможно без отождествления масс с основными его составляющими.

²⁵ Ильенков 1962: 195.

Идеал является важнейшим элементом национальных интересов, поскольку именно благодаря ему политическая элита получает поддержку широких масс. Если предложенный элитой идеал соответствует представлениям людей об их безопасности и частных интересах, любая внешняя или внутренняя угроза воспринимается ими как опасность для нации и побуждает их сплотиться вокруг правительства. Если же идеал сформулирован неверно или возникают сомнения в его подлинности, массы перестают отождествлять себя с политикой государства, и ответственность за внешние и внутренние угрозы перекладывается на власть.

Психоаналитическая интерпретация «я-идеала» позволяет понять, что заставляет разрозненных индивидов идентифицировать себя с государством, а свои желания — с действиями власти. Индивиды бессознательно симпатизируют лидерам, которые ассоциируются у них с родителями — любящей матерью или заботливым отцом. Благодаря образованию либидинозной структуры они переносят на государство свои противоречивые представления об удовольствии и безопасности. Стоит отметить, что истоки массовых представлений о заботливом правителе кроются в национальной культуре. Этим объясняется то постоянство, с которым народы обращаются к тому или иному образу в моменты массовой фрустрации. Чем острее и интенсивнее переживаемое индивидами напряжение, тем выше их потребность в создании либидинозной структуры и отождествлении своего «я» с авторитетным деятелем. При этом, если реальный лидер по тем или иным причинам не отвечает заложенному в культуре образу, именно он оказывается главным объектом критики и обвинений.

Выше уже упоминалось, что политические реалисты вовсе не отрицают значение идеала, признавая его важность для построения эффективной политической системы. Так, рассуждая о «национальной силе», Моргентау определял ее как идентификацию массы индивидуальных представителей нации с мощью их государства в мире²⁶, причем давал вполне психоаналитическое обоснование своего заключения: поскольку законы и социальная иерархия мешают индивидам реализовывать свою жажду могущества в повседневной жизни, они отождествляют себя с государством на мировой арене, где стремление к власти не ограничено никакими правилами. «Когда граждане Соединенных Штатов думают о могуществе своей страны, — подчеркивал он, — они ощущают восторг, схожий с тем, что должны были испытывать граждане Рима, отождествляя себя с Римом и его могуществом. <...> Когда мы воспринимаем себя членами очень могущественной нации, обладающей непревзойденной индустриальной мощью и материальным благосостоянием, мы льстим себе и испытываем огромную гордость»²⁷. Согласно Моргентау, чем больше людей идентифицирует себя с силой нации и ее идеями, тем она могущественнее²⁸.

На стремление человека к членству в общественных группах обращают внимание многие политические реалисты, в том числе такие,

²⁶ Morgenthau 1948: 118.

²⁷ Ibid.: 120.

²⁸ Ibid.: 119.

как Джордж Кеннан, Уолтер Липпман и Рейнхольд Нибур. Так, Кеннан связывает националистические настроения с «присущей всем людям потребностью чувствовать себя частью чего-то большего, чем они сами и их семьи»²⁹. Липпман усматривает корни национализма в инфантильной склонности человека отождествлять свои желания с нуждами государства. Подобное отношение к стране, полагает он, обусловлено детскими воспоминаниями, в которых удовлетворение потребностей тесно связано с образом родины³⁰. Еще ближе к психоанализу трактовка групповой психологии, предложенная Нибуrom: с его точки зрения, массовые интересы отражают нарциссические желания отдельного человека, которые он не может реализовать в обыденной жизни³¹.

²⁹ Kennan 1993: 74.

³⁰ Lippmann 2008: 60.

³¹ Niebuhr 2001: 93.

По мнению Раймона Арона, убежденного, что цели государства не исчерпываются стремлением к силе и безопасности, великие государственные деятели воплощают свою жажду могущества в реализации идей: «Войны ради славы и войны ради идеи гораздо больше проникнуты человеческими свойствами, чем войны за земли или за подземные богатства. <...> Завоеватели иногда оправдывали свои авантюры, суля своему народу процветание после победы. Такие утопии служили извинением, но не источником вдохновения. Эти предводители хотели мощи и могущества для достижения своей славы, для торжества какой-то идеи самой по себе, но никогда не для того, чтобы люди познали сладость жизни»³².

³² Арон 2000: 128.

Идеал зачастую включает в себя представления масс о справедливости. Даже если элита преследует исключительно собственные интересы, важно, чтобы население ощущало хотя бы видимость учета его потребностей. Откровенное пренебрежение ими чревато неустойчивостью управления в долгосрочной перспективе. Гилпин, отвергавший тезис Моргантау об объективной ценности национальных интересов, рассматривал последние как комбинацию целей конфликтующих правящих групп, меняющуюся в зависимости от обстоятельств³³. По его оценке, именно вырождение элиты и ее отказ от следования общему благу являются важнейшими причинами войн и кризисов в международных отношениях³⁴. О том, что борьба между элитами приводит к кризисам, писал и Франкель. Называя переменчивые цели конфликтующих групп внутри политического истеблишмента оперативными, он подчеркивал, что защита массовых интересов делает управление государством более стабильным³⁵. Интересы (или, по выражению самого Франкеля, чаянья) масс связаны с образом государства, сохранившего традиции сильного правительства, стабильной службы и возможности карьерного роста. Политическое напряжение в государстве тем острее, чем глубже конфликт между оперативными интересами истеблишмента и устойчивыми интересами основной массы населения.

³³ Gilpin 1996: 7.

³⁴ Gilpin 1981: 166.

³⁵ Frankel 1970: 32.

Может показаться, что включение в национальные интересы принятого таким образом идеала делает их менее гибкими: потребности масс предстают инертными, не отвечающими динамичному развитию современного мира. Однако, как справедливо отмечал Франкель, это

совсем не так. Наличие стабильного идеала позволяет политикам принимать инновационные решения, не боясь соскальзывания государства в хаос и конфликт³⁶. Напротив, волатильность идеала, не говоря уже о его отсутствии, мешает реализации политических целей, поскольку каждое изменение вызывает массовую фрустрацию и требует существенных вливаний в бюрократические, полицейские и подобные им структуры. Рассматривая эту проблему, Барри Бузан выдвинул концепцию максимального и минимального государства, первое из которых предполагает доминирование бюрократии при равнодушии населения к идее государства, а второе — относительно невысокую роль бюрократии при массовой поддержке идеи государства³⁷. Задавшись вопросом, может ли государство обладать стабильными институтами при слабой идее, он пришел к заключению, что нет: «Идея государства в таком случае означала бы немногим более, чем определение правящей элитой собственных интересов, и согласованность государства сохранялась бы за счет неограниченного применения принудительных мер в отношении граждан. Страх заменил бы тогда позитивные идеи в качестве основного объединяющего элемента, и правительство стало бы полагаться на послушание, а не лояльность»³⁸.

³⁶ *Ibid.*: 128.

³⁷ *Buzan 1983*: 54.

³⁸ *Ibidem*.

Несмотря на свою кажущуюся аморфность, идея государства является центральным элементом национальной безопасности, поскольку именно она наделяет легитимностью само государство, его институты и физическую базу. В то время как исчезновение одного института можно восполнить созданием других, деформация идеи способна привести к делегитимации всего государства. Согласно Бузану, поддержка населения — ключевое условие стабильности государственной машины. В такой ситуации власть эффективнее реагирует как на внешние, так и на внутренние угрозы. С одной стороны, ей не требуется прибегать к силе внутри страны, с другой — она может использовать ее против угроз на мировой арене. Это, конечно, не означает, что внутренняя оппозиция будет полностью избавлена от преследований. Однако в государствах с высокой поддержкой населения власть все-таки правит за счет авторитета, а не принуждения³⁹.

³⁹ *Ibid.*: 59—60.

⁴⁰ *Walt 1987*: 182.

При том что структурные реалисты отрицают центральную роль идеала в международных отношениях, они тоже не могут полностью абстрагироваться от этой проблемы. Значительное внимание влиянию идеологий на отношения между странами уделял, в частности, Стивен Уолт, считавший, что близость идеологий скорее препятствует выстраиванию крепких союзов, так как правительства более слабых стран боятся вмешательства сильного союзника в их внутренние дела, утраты поддержки населения и, как следствие, потери независимости⁴⁰. Без понятия идеала едва ли может обойтись и структурный реализм Уолца и Миршаймера, поскольку государства, отождествляющие себя с потребностями системы или стремящиеся стать мировыми гегемонами, неизбежно встанут перед необходимостью сформулировать идею, которую они могли бы предложить человечеству.

* * *

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что введение понятия идеала позволяет преодолеть основное противоречие национальных интересов. Более того, корректно сформулированный и поддерживаемый населением идеал создает условия для принятия правительством эффективных решений и в долгосрочной перспективе повышает мощь государства на внешней арене. Поэтому ответственный государственный деятель должен не просто находить баланс между интересами различных частей правящего слоя, но и отвечать массовым представлениям об авторитетном правителе. Только в этом случае население страны будет воспринимать действия государства на внутренней и международной арене как реализацию своих желаний и не станет препятствовать исполнению принятых правительством решений. Самоидентификация масс с государством обеспечит правительству поддержку и, соответственно, сделает функционирование политической системы более успешным и стабильным. Люди, интенсивно переживающие свою принадлежность к государству, более склонны рассматривать проводимую им политику как работу на общее благо, то есть на защиту и продвижение национальных интересов.

Библиография

- Арон Р. (2000) *Мир и война между народами*. М.: Nota bene.
- Ильенков Э.В. (1962) «Идеал» // *Философская энциклопедия*. Т. 2. М. Советская энциклопедия: 195—199. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/enc/idealf.html> (проверено 20.08.2019).
- Косолапов Н.А. (2016) «Общесистемные интересы вместо национальных» // *Россия в глобальной политике*, № 2: 34—54. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Obschesistemnye-interesy-vmesto-natsionalnykh-18021> (проверено 20.08.2019).
- Победаш Д.И. (2007) *Эволюция американского политического реализма как метода исследования международных отношений*. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: Уральский гос. университет им. А.М.Горького.
- Фрейд З. (2019) *Психология масс и анализ человеческого «Я»*. М.: АСТ.
- Фрейд З. (2006) *Психология бессознательного*. М.: Фирма СТД.
- Фрейд З. (2008) *Вопросы общества. Происхождение религии*. М.: Фирма СТД.
- Burchill S. (2005) *The National Interest in International Relations Theory*. New York: Palgrave Macmillan.
- Buzan B. (1983) *People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Carr E. (1945) *Nationalism and After*. London: Macmillan.
- Frankel J. (1970) *National Interest*. London: Palgrave Macmillan.

- Gilpin R. (1981) *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gilpin R. (1996) «No One Loves a Political Realist» // *Security Studies*, vol. 5, no. 3: 3–26.
- Gilpin R. (2001) *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton: Princeton University Press.
- Kennan G. F. (1993) *Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy*. New York: Norton & Company.
- Lippmann W. (2008) *The Stakes of Diplomacy*. New Brunswick (NJ): Transaction.
- Lobell E., M.Ripsman, and W.Taliaferro, eds. (2009) *Neoclassical Realism and Domestic Interest Groups*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W.Norton & Company.
- Morgenthau H. (1948) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.
- Morgenthau H. (1952) «Another „Great Debate“: The National Interest of the United States» // *The American Political Science Review*, vol. 46, no. 4: 961–988.
- Niebuhr R. (2008) *The Irony of American History*. Chicago: Chicago University Press
- Rosenau J. (1964) *National Interest*. New York: Macmillan, Free Press.
- Schuett R. (2009) *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations*. Durham: University of Durham School of Government and International Affairs.
- Walt S.M. (1987) *The Origins of Alliance*. New York: Cornell University Press.
- Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (Mass): Addison-Wesley Publishing Company. URL: https://www.academia.edu/26543997/WALTZ_1979_-_Theory_of_International_Politics (accessed on 20.08.2019).

политика

A.A.Rozhkov

“INTERESTS” AND “IDEALS”: REDEFINING POLITICAL REALISM

Alexander A. Rozhkov — Graduate Student at the Department of Philosophy of Politics and Law, Lomonosov Moscow State University. Email: Rozhkov1922@mail.ru.

Abstract. Despite the widespread use of the term “national interests” in the media and academia, researchers and experts still cannot come to a consensus on its meaning. Political realists equate national interests with the

states' aspiration for power and security, liberals — with the will of citizens, constructivists — with a rhetorical tool that legitimizes foreign policy decisions of governments. The variety of approaches to defining national interests, as well as the presence of a significant number of criteria, leads to the erosion of this concept.

According to the author, the described situation is rooted in the contradiction between the subjective interpretation of national interests by the ruling elite and the objective needs of the population of the respective countries. He sees the key to solving this problem in introducing an “ideal” — the concept that connects the interests of the elite and population, emphasizing that it is due to the support of the masses of the ideal elaborated by the elites that one can talk about national interests as a single whole.

On the basis of the psychoanalytic analysis of the “I-ideal” and its influence on mass consciousness, the author shows that turning to the concept of an ideal not only removes the main contradiction in the definition of national interests in political realism, but also opens the way to effectively promote them in the long term. An ideal that is correctly formulated removes the tough confrontation between the interests of the ruling elites and the masses, creates conditions for stabilizing the situation within the country and allows the authorities to pursue an innovative policy without fear of slipping into chaos and conflict.

Keywords: national interests, political realism, ideal, international relations, human nature, psychoanalysis

References

- Aron R. (2000) *Vojna i mir mezhdu narodami* [Paix et guerre entre les nations]. Moscow: Nota bene. (In Russ.)
- Burchill S. (2005) *The National Interest in International Relations Theory*. New York: Palgrave Macmillan.
- Buzan B. (1983) *People, States, and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Brighton: Wheatsheaf Books.
- Carr E. (1945) *Nationalism and After*. London: Macmillan.
- Frankel J. (1970) *National Interest*. London: Palgrave Macmillan.
- Freud S. (2006) *Psikhologija besoznatel'nogo* [Psychologie des Unbewussten]. Moscow: Firma STD. (In Russ.)
- Freud S. (2008) *Voprosy obshchestva. Proiskhozhdenie religii* [Fragen der Gesellschaft. Ursprünge der Religion]. Moscow: Firma STD. (In Russ.)
- Freud S. (2019) *Psikhologija mass i analiz chelovecheskogo “ja”* [Massenpsychologie und Ich-Analyse]. Moscow: AST.
- Gilpin R. (1981) *War and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gilpin R. (1996) “No One Loves a Political Realist” // *Security Studies*, vol. 5, no. 3: 3–26.
- Gilpin R. (2001) *Global Political Economy: Understanding the International Economic Order*. Princeton: Princeton University Press.

- Ilyenkov E.V. (1962) "Ideal" [Ideal] // *Filosofskaja entsiklopedija* [Encyclopedia of Philosophy]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaja entsiklopedija: 195–199. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/enc/idealfe.html> (accessed on 20.08.2019). (In Russ.)
- Kennan G. F. (1993) *Around the Cragged Hill: A Personal and Political Philosophy*. New York: Norton & Company.
- Kosolapov N.A. (2016) "Obshchesistemnye interesy vmesto natsional'nykh" [System-Wide Interests versus National Interest] // *Rossia v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], no. 2: 34–54. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Obshchesistemnye-interesy-vmesto-natsionalnykh-18021> (accessed on 20.08.2019). (In Russ.)
- Lippmann W. (2008) *The Stakes of Diplomacy*. New Brunswick (NJ): Transaction.
- Lobell E., M.Ripsman, and W.Taliaferro, eds. (2009) *Neoclassical Realism and Domestic Interest Groups*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mearsheimer J. (2001) *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W.Norton & Company.
- Morgenthau H. (1948) *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.
- Morgenthau H. (1952) "Another „Great Debate“: The National Interest of the United States" // *The American Political Science Review*, vol. 46, no. 4: 961–988.
- Niebuhr R. (2008) *The Irony of American History*. Chicago: Chicago University Press
- Pobedash D. (2007) *Evolutsija amerikanskogo politicheskogo realizma kak metoda issledovanija mezhdunarodnykh otnoshenij* [Evolution of American Political Realism as a Method of Studying International Relations]. Ph.D diss. Yekaterinburg: Ural State University. (In Russ.)
- Rosenau J. (1964) *National Interest*. New York: Macmillan, Free Press.
- Schuetz R. (2009) *Political Realism, Freud, and Human Nature in International Relations*. Durham: University of Durham School of Government and International Affairs.
- Walt S.M. (1987) *The Origins of Alliance*. New York: Cornell University Press.
- Waltz K.N. (1979) *Theory of International Politics*. Reading (Mass): Addison-Wesley Publishing Company. URL: https://www.academia.edu/26543997/WALTZ_1979_-_Theory_of_International_Politics (accessed on 20.08.2019).